

В. А. Шкерин
ДЕРЕВЕНСКИЙ ДЕТЕКТИВ С ДЕКАБРИСТОМ

УДК 94(470) «18»

ББК 63.3(2)521.2

Банальное судебное разбирательство деревенского убийства вызвало цепь событий, в которые были вовлечены первые лица российского государства: генерал-губернатор Западной Сибири, шеф жандармов, министр внутренних дел и, наконец, сам император. Ведший это разбирательство судебный заседатель А. Ф. Бриген сам попал в Сибирь как политический ссыльный и отказался выносить приговор по недостатку улики. Тем самым он отметил коренной порок судопроизводства, зависевшего от воли властей и, как правило, утверждавшего обвинительные версии полиции. Более двух лет длившееся противоборство Бригена с высшей администрацией Западной Сибири и жандармским ведомством закончилось победой непокорного заседателя. В статье выдвигается гипотеза о том, как эта победа могла состояться и кто помог Бригену в его борьбе.

Ключевые слова: *декабризм, политическая ссылка, судебная система, Западная Сибирь, генерал-губернаторство, министерство внутренних дел, III отделение, А. Ф. Бриген, П. Д. Горчаков, А. Ф. Орлов, Л. А. Перовский*

В деревне Степной Чернавской волости Курганского округа Тобольской губернии гуляла широкая Масленица. Вечером 11 февраля 1849 г. десять крестьян — Григорий и Павел Власовы, Яков Лесников, Иван Соколов, двое Юковых и прочие, — будучи навеселе, отправились кататься в санях. В какой-то момент гуляки заметили идущего Михаила Власова. Павел Власов похвастал перед друзьями, что не боится своего двоюродного брата, назвал Михаила «заворум» и соскочил на снег. За ним последовал Иван Соколов. Прочие продолжили путь, и лишь сажень через сто кто-то предложил: «Воротимся посмотреть, где двое из нас, которых мы оставили». Павла и Ивана нашли на прежнем месте, при этом первый, усаживаясь в сани, будто бы обронил: «После меня уже ходить не будет». И компания покатила дальше, «распевая песни» и «заезжая к разным лицам в гости, после чего разъехалась по домам».

Утром следующего дня был обнаружен труп Михаила Власова: «голова у него была так сильно разбита, что брызги мозга и крови были найдены на заплоте в расстоянии 12-ти аршин от места, где лежало тело убитого...» Для проведения следствия в Степную прибыл курганский земский исправник Иосиф Иванович Папкевич в сопровождении окружного стряпчего. На допросе Иван Соколов сообщил,

что пошел за приятелем, «угадывая будто бы намерение Павла по угрозам» и желая «воспрепятствовать ему, Павлу, убить Михайла», но тот все же схватил деревянный брусок («нащеп»), которым и убил Михаила. Подозреваемый Павел «против этого показывал, что он Михайла Власова не убивал и никогда намерения не имел его убить, что похвальных слов, клонящихся к этому, не произносил, что во время гулянки был без памяти пьян и, будучи в таком положении привезен товарищами еще засветло домой, был водворен в дом жену и дочь».¹

В Курганский окружной суд дело об убийстве М. Власова поступило 29 марта. Разбирал его не судья А. П. Забелин, а заседатель А. Ф. Бриген, причем единолично, только с помощью секретаря Н. П. Рихтера. Почему так случилось, он сам объяснил позже: «С самого первого дня поступления в должность и постоянно, не пропустив ни одного дня, присутствовал я в суде, и почти всегда один, потому что окружной судья уже третий год постоянно одержим болезнью, другой заседатель имеет слабость пить и по этой причине каждый месяц от двух до трех недель не присутствует. Секретарь же Рихтер не только чиновник неблагонадежный и неблагонамеренный, но такой человек, которым даже в Кургане все гнушаются».² Данила Георгиевич

*Шкерин Владимир Анатольевич — д.и.н., г.н.с. сектора этноистории Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: shkerin_uit@mail.ru*

¹ ГАРФ. Ф. 109. 1 экз. 1826. Д. 61. Л. 179–179об.

² Бриген А. Ф. Письма. Исторические сочинения. Иркутск, 1986. С. 270.

Любченко, на плечи которого болезненный судья переложил свои обязанности, был типичный заседатель с типичной «слабостью». Вспомним, что и в гоголевском «Ревизоре» чиновник в этой должности благоухал так, «будто он сейчас вышел из винокуренного завода». Нетипичным заседателем оказался Александр Федорович фон-дер Бриген.

Корни рода von Brügggen уходят в почвы Вестфалии и Рейнланда на глубину XII столетия, в эпоху зарождения германских фамилий как таковых. Предки заседателя перебрались в Прибалтику на службу Ливонскому ордену и позже были поименованы в матрикуле курляндского рыцарства. Сам Александр Бриген (1792–1859) явился на свет уже как российский дворянин и в первой половине своей жизни носил мундир офицера лейб-гвардии Измайловского полка. На Бородинском поле он заслужил золотую шпагу с надписью «За храбрость», при Кульме был ранен пулей в голову, зато на груди появилось сразу два новых ордена — русский Владимир 4-й степени с бантом и прусский Железный крест. На побежденный Париж офицер взирал с высоты мансарды, предпочитая тратить свои скромные средства не на развлечения, а на книги. Позже были общества масонские и декабристские, а в роковом 1825-м — поездка на Украину с тайным заданием от Кондратия Рылеева. На Украине же Бригена и арестовали. Проведя год в Читинском остроге, на поселение он вышел в заштатный городок Пелым. Добиться разрешения перебраться в более южный и мягкий по климату Курган удалось лишь к концу 1835 г. В марте 1836 г. Бриген переселился, а спустя еще 12 лет, в 1848 г., он получил дозволение вступить в статскую службу, чин коллежского регистратора и место заседателя в окружном суде.

Последнее было бы немислимо без согласия генерал-губернатора Западной Сибири князя Петра Дмитриевича Горчакова. Об этом, в частности, писал из Ялуторовска ссыльный декабрист И. И. Пущин: «Бригген³ допущен к исправлению должности заседателя окружного суда — это по его просьбе. Получивши 14-й класс, он ездил в Омск и просил у князя места. Просто чудеса!»⁴ Товарищ Бриге-

на по курганской ссылке А. Е. Розен подтверждал, что П. Д. Горчаков вообще оказывал декабристам внимание и проявлял «готовность защитит... от всяких притеснений».⁵ Бриген к тому же был хорошо знаком с братом генерал-губернатора Михаилом Горчаковым, по некоторым сведениям — неразоблаченным членом декабристского союза.⁶ При таких связях, казалось бы, было допустимым и при невысоком чине «свое суждение иметь».

Одновременно с материалами дела в Курганский окружной суд поступили два прошения — от вдовы М. Власова и от жены П. Власова. «Вдова убитого, а вместе с ней и народная молва... называют главным виновником этого убийства Григория Власова, а с ним Петра Юкова, Ивана Соколова, Якова Лесникова, кроме еще других прикосновенных к этому делу лиц, которые все при следствии были допущены как свидетели против Павла Власова, — писал Бриген. — Вдова говорила не мне одному, но провозглашала повсюду. Женщина эта, мать трех малолетних детей, в отчаянии, и речь ее так убедительна, что не допускает сомнения в истине ее слов».⁷ Со своей стороны жена Павла Власова, Устинья, сообщала, что еще в декабре 1848 г. «Григорий Власов, Юков, Соколов и другие, будучи вооружены топорами и пешнями, вторглись ночью в дом Мих. Власова, но, не успев его захватить, вероятно, для того чтобы убить, потому что Григорий Власов еще прежде этого грозил убить Михайлу... они в доме его все переломали, за каковой нанесенный ему убыток были присуждены заплатить деньгами». Устинья Власова также отмечала, что на следующий после убийства день шуба ее мужа была дважды осмотрена сельским и волостным начальством, но лишь при третьем осмотре Папкевич обнаружил «кровавые пятна, которые неизвестно откуда появились».⁸

В суде Павел Власов настаивал на своей невиновности. Соколов же вначале повторил прежние показания, но затем, «бросившись на колена и с горькими слезами», сознался, что «все показанное им он взвел напрасно на Павла Власова, что он не видел, чтобы Павел Власов убивал Михайла, что его, Павла, не стаскивал с Михайла и что он все это

³ В документах первой половины XIX в. эта фамилия имеет два основных варианта написания — «Бриген» и «Бригген». При цитировании здесь и далее воспроизводится написание источника.

⁴ Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1989. С. 237.

⁵ Розен А. Е. Записки декабриста. СПб., 2007. С. 226.

⁶ См.: Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. I. С. 245.

⁷ Бриген А. Ф. Указ. соч. С. 250.

⁸ ГАРФ. Ф. 109. 1 экз. 1826. Д. 61. Л. 180.

показывал по наущению волостного писаря Подорванова».⁹ Ввиду открывшихся обстоятельств окружной суд обратился к гражданскому губернатору с вопросом о том, следует ли рассматривать это дело дальше или отправить на следствие. Тобольский губернатор действительный статский советник Карл Федорович Энгельке высказался за второй вариант. Павла Власова и Ивана Соколова из-под стражи освободили.

Но неожиданно дело через голову губернатора было истребовано в общее присутствие Совета Главного управления Западной Сибири. По версии князя П. Д. Горчакова, эта мера была необходима, «так как... дошло до сведения Главного управления, что члены Окружного суда ищут только сим способом протянуть дело и дать ему оборот боле согласный с их видами».¹⁰ Правда, каким образом «дошло», генерал-губернатор не уточнил. Напротив, Бриген эту сторону вопроса осветил подробно: «...исправник Папкевич, видя себе беду неминуемую потому, что при переследовании все упущения бы открылись, обратился к родному брату своему в Омск, который в большой доверенности у его сиятельства кн. Горчакова да к тому же управляет судным отделением, чрез происки коего достиг того, что делу дали совершенно превратный оборот».¹¹ Горчаков, чьи понятия об субординации сформировала 30-летняя армейская служба, не мог допустить, чтобы чиновник низшего класса, и к тому же из ссыльных, оспаривал справедливость решений более высокопоставленных сослуживцев.

Итак, Главное управление Западной Сибири, судным отделением которого заведовал титулярный советник Александр Иванович Папкевич, изъяло дело об убийстве М. Власова из ведения Курганского окружного суда. В Омске следствие, проведенное исправником И. И. Папкевичем, было «признано удовлетворительным», действия же суда охарактеризованы как «беспорядки». «Для отобрания от членов Окружного суда объяснения» в Курган был командирован чиновник Главного управления Александр Никитич Лещёв (пасынок писателя П. П. Ершова¹²) «с тем, чтобы он,

предоставив членам все способы оправдания, не доверял им подлинного дела (в опасении подлога бумаг, чему здесь бывают нередкие примеры), а предоставил нужные выборки сделать при себе».¹³ Одновременно Чернавское волостное правление попыталось арестовать вдову и мать убитого, но последняя, по словам Бригена, «завопила таким голосом, называя поименно убийц, которые тут же были, что общество, находившееся при этом вместе с волостными начальниками, разбежалось, и она свободно из-за 50 верст пришла в Курган, дабы явиться к г[осподину] Лещёву, чего, однако, не исполнила, узнав, что он не следователь».¹⁴

Бриген еще слал письма Горчакову, заверяя, что «как судья и человек, боящийся Бога... не мог молчать, когда увидел, что вместо виноватых предают на пропятие невинного», сообщил о поддержке своей позиции Рихтером и Любченко и даже выражал уверенность, что «и Ваше Сиятельство в таком случае не иначе бы действовали». Но все было тщетно. Проницательный Иван Пущин уже в июле предсказал из Ялуторовска плачевный итог этого разбирательства: «Вероятно, кончится тем, что переводчика Кесаря (т. е. Бригена, переводившего с латыни записки Цезаря — В. III.) самого прогонят, если он слишком будет надоедать своею перебранкой с уездной аристократией».¹⁵ Совет Главного управления признал собранные Лещёвым объяснения членов Курганского окружного суда «не заслуживающими уважения», постановил пересмотреть рассмотрение дела об убийстве крестьянина Михаила Власова из Кургана в Омск, а самих судейских «передать рассмотрению судебному».¹⁶

Тут, однако, нужно прервать хронологически-последовательное изложение и из 1849 г. перенестись на шесть лет назад и на сто двадцать — вперед. В 1969 г. курганский историк Н. А. Лапин обнаружил найденные им сведения об участии М. Власова в «картофельных бунтах», охвативших в начале 1840-х гг. территорию от Поволжья до Западной Сибири. В селе Чернавском волостные власти собрали крестьян 19 апреля 1843 г., желая обязать их подписками «одному за другим иметь неослабное смотрение, дабы никто из них не мог

⁹ Там же. Л. 180об.

¹⁰ Там же. Л. 177–177об.

¹¹ Бриген А. Ф. Указ. соч. С. 255.

¹² Подробнее об этом см.: «Когда любовь связала всех нас воедино...»: Письма П. Ершова и Лещёвых / публ., вступ. ст., примеч. Т. П. Савченковой // Коркина слобода: краевед. альм. Вып. 5. Ишим, 2003. С. 31–39.

¹³ ГАРФ. Ф. 109. 1 экс. 1826. Д. 61. Л. 177об.–178.

¹⁴ Бриген А. Ф. Указ. соч. С. 250, 251.

¹⁵ Пущин И. И. Указ. соч. С. 246.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 109. 1 экс. 1826. Д. 61. Л. 178.

быть ослушником». Услышав о подписках, возмущенные крестьяне ворвались в волостное правление. При этом М. Власов «с большим азартом» требовал от писаря И. Подорванова выдачи «секретных бумаг» и «приговора, по которому их насильно подписывают в крепостное владение». Крестьяне даже намеревались бросить Подорванова в реку, но писарю удалось бежать. Эти события историк назвал «восстанием в Чернавской волости», а самого М. Власова — «организатором выступления» и «вожаком повстанцев». По его мнению, благодаря Бригену «убийство М. Власова предстало... не как результат пьяной драки, а как зверская расправа сельских властей с непокорным крестьянином», само же дело приобрело «острый социальный характер». ¹⁷ Впоследствии этот вывод повторили другие сибирские авторы. ¹⁸

И только в вышедшей в перестроечное время монографии специалиста по истории сибирского крестьянства Т. С. Мамсик чернавские события предстали в ином свете. Главным возмутителем в волости оказался учитель Новокрещенов, привезший из Челябинского округа некие «соблазнительные бумаги» и огласивший их на общем сходе в селе Чернавском. Что же касается 19-летнего Михайла Власова, то он был лишь одним (и при этом самым молодым) из участников «приступа» на волостное правление. Вывод историка сводился к тому, что, «хотя волнение крестьян в Чернавской волости достигло значительного накала, масса не поддержала “зачинщиков”, дело ограничилось подготовкой прошения на имя императора». ¹⁹

Называть вышеописанные события «восстанием», а Михаила Власова «вожаком повстанцев» — очевидное преувеличение. Следовательно, в событиях 1843 г. не скрыто и ответа на вопрос, почему в 1849-м «сельские власти» могли бы решиться на «расправу». Сами «сельские власти» олицетворялись для крестьян прежде всего двумя выборными должностными лицами — волостным головой

и писарем. ²⁰ Но если голова избирался на два года, то писарь при хорошем поведении мог занимать свое место практически бессрочно. ²¹ Показательно, что историки не пришли к единому мнению о том, кто был чернавским головой во время «приступа»: по версии Н. А. Лапина, им был Потаскуев, по версии Т. С. Мамсик — Чернопыянов. Зато Подорванов оставался писарем и в 1843 г., и в 1849 г. Едва ли питая симпатию к кому-либо из участников «приступа», он действительно мог повлиять на показания Соколова. Но в любом случае для трактовки твердой позиции Бригена в этом споре как «продолжения революционной борьбы с царизмом» нет сколько-нибудь достаточных оснований.

Время шло, надежды Бригена на справедливое решение генерал-губернатора таяли. В письме своей дочери Марии Туманской от 2 ноября 1849 г. заседатель наконец дал волю чувствам: «Теперь да позволительно будет спросить, где, кроме Западной Сибири, можно видеть, чтобы главное начальство вместо того, чтобы открыть преступление и защитить невинного, всеми силами упорствовало, чтобы преступление не было открыто? И мало этого, еще нападает с особенным озлоблением (вероятно, хорошо заплачено) на целое присутственное место за то, что оно донесло об этом и просило по этому предмету разрешения!» ²²

Той же почтой А. Ф. Бриген отправил письмо управляющему III отделением генерал-лейтенанту Л. В. Дубельту, в котором просил «вытребовать дело» у сибирских властей и «прислать следователя, который по указаниям вдовы убитого, матери трех малолетних детей, вероятно, откроет истину». Леонтий Васильевич Дубельт, вступая в жандармскую службу в 1830 г., письменно клялся своей жене: «...буду заставлять отдавать справедливость угнетенным, буду наблюдать, чтобы в местах судебных давали тяжёлым делам прямое и справедливое направление...» ²³ С тех пор из подозрительно близкого к декабристам полковника он преобразился во второе лицо в жандармском ведомстве и за двойственность

¹⁷ Лапин Н. А. Декабристы и их связи с крестьянством Тобольской губернии // Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. Новосибирск, 1969. С. 264, 265, 271.

¹⁸ См.: Рошчевский П. И. Декабристы в Тобольском изгнании. Свердловск, 1975. С. 67; Тальская О. С. Ссылные декабристы на государственной службе в Сибири // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII — начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 247.

¹⁹ Мамсик Т. С. Крестьянское движение в Сибири. Вторая четверть XIX в. Новосибирск, 1987. С. 167, 170, 171.

²⁰ Помимо них, в состав волостного правления входили: сотник, сборщик податей, десятники и «коморник» (сторож).

²¹ См.: Пундани В. В. Общественный быт государственных крестьян Урала во второй половине XVIII — первой половине XIX в. // Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала. Свердловск, 1983. С. 95.

²² Бриген А. Ф. Указ. соч. С. 253.

²³ Цит. по: Лурье Ф. М. Политический сыск в России: 1649–1917. М., 2006. С. 52.

ответов, за умение, не отказав, не помочь заслужил прозвище «генерал Дубль». Вот и на сей раз, докладывая о письме главноуправляющему III отделением графу А. Ф. Орлову, очевидно, посоветовал переадресовать дело в Министерство внутренних дел. Граф Алексей Федорович был ленив и совет охотно принял.

Так дело убиенного крестьянина Михайла Власова превратилось в дело ссыльного Александра Бригена и вознеслось на имперский уровень. Отношением № 2959 от 12 декабря 1849 г. граф А. Ф. Орлов известил о нем министра внутренних дел графа Л. А. Перовского. Бригену, казалось бы, повезло. Лев Алексеевич Перовский имел репутацию «либералиста», выступал с проектами ослабления крепостного права и, что в данном случае особенно важно, в юности состоял в декабристском тайном обществе. Оба они — Бриген и Перовский — были поименованы в записке о Союзе благоденствия, поданной в 1821 г. на высочайшее имя начальником Гвардейского генерального штаба А. Х. Бенкендорфом. Правда первый из них был причислен к категории «примечательнейших по ревности», второй же назван среди тех, которые «малопомалу... отстали».²⁴

Для уяснения ситуации необходимо обрисовать тот политический контекст, в который невольно угодила весть о споре ссыльного декабриста с региональной администрацией. В 1848 г. Европу сотрясали революции, в разжигании которых общее мнение вивило тайные общества. По убеждению Николая I, такие организации действовали и в России. «Либералисты» угодили под подозрение, и для Льва Перовского настало время опасаться за прочность своих позиций. Укрепить их он решил с помощью масштабной политической провокации: если император считает, что в России есть тайное общество, значит, его должно изобличить, даже если его нет. Так из обычных журфиксов с чтением запрещенной литературы силами Министерства внутренних дел было раздута «дело петрашевцев». Жандармы пребывали в неведении по поводу «сети тайных обществ» до тех пор, пока самодержец не попенял Орлову, что «у его ищеек нет нюха, что это — сопливые собаки».²⁵ Для оправдания в монарших глазах III отделение

подобным же образом «изобличило» якобы оппозиционный кружок в столичном Училище правоведения. Учащихся-правоведов отдали в солдаты, над «петрашевцами» совершили «обряд казни». Николай I был удовлетворен, но Орлов и Перовский много потеряли в глазах общества и более не желали рисковать репутациями. Показательно, что в конце 1849 — начале 1850 гг. возглавляемые ими полицейские структуры брезгливо перебрасывали друг другу дело о мнимой «секте коммунистов», раздуваемое пензенским губернатором.²⁶

Получив отношение шефа жандармов, Перовский тотчас направил соответствующий запрос в Омск, зарегистрированный канцелярией генерал-губернатора 18 января 1850 г. Спустя четыре дня, 22 января, Горчаков послал в столицу сразу два письма: одно — Перовскому, другое — Орлову. Первое из них было посвящено доказательству формальной правомерности действий сибирских чиновников — от исправника Папкевича до сотрудников Главного управления. Ни в самом письме, ни в приложенной к нему «Записке по делу об убийстве крестьянина Курганской округи Михайла Власова» имя Бригена не было упомянуто ни разу. Иначе было построено второе послание. Во-первых, оно появилось не в ответ на отношение (III отделение запроса не посылало), а по инициативе Горчакова. Во-вторых, князь и не подозревал, что глава Министерства внутренних дел Перовский информирован Орловым: «...по частным сведениям, графом Перовским полученным, якобы допущены Главным управлением с моего утверждения неправильности, клонящиеся к затемнению истины и покрытию подлинного убийцы...» В-третьих, генерал-губернатор даже не пытался обосновать в письме справедливость решений своих подчиненных: «Защищать пред Вашим Сиятельством правильность заключения Главного управления и беспристрастность первенствующих здесь административных лиц признаю излишним...» Единственной темой письма был Бриген: «...осчастливленный Всемилодивейшим облегчением своей участи по ходатайству родственников, он до того возмечтал о своих связях, что усиливается первенствовать там, куда сослан за преступление, и над лицами,

²⁴ Бенкендорф А. Х. Записка о Союзе благоденствия, представленная Александру I в мае 1821 г. // Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. С. 184.

²⁵ Энгельсон В. Статьи, прокламации, письма. М., 1934. С. 36.

²⁶ Подробнее об этом см.: Шкерин В. А. «Революция на пороге России...»: Идефикс императора // Родина: рос. ист. журн. 2013. № 3. С. 53–57.

обязанными за ним наблюдать; что он мешается в дела ему чуждые, чтобы доказать свою силу; что он вступил в козни против местных властей, наипаче исправника...» С кем именно, по мнению Горчакова, у Бригена имелись связи, раскрывалось далее: «...поступки Бригена мне известны... и по истине требовали бы укрощения, если бы по его угрозам не ожидал я себе вопросов из С. Петербурга (как то случилось)». Зная о натянутых отношениях Министерства внутренних дел и III отделения, Горчаков затевал интригу против Перовского и подсказывал решение по беспокойному декабристу: «...дальнейшее нахождение г. Бригена в Кургане и при настоящей должности кажется мне вредным...»²⁷

Оба руководителя полицейских ведомств вновь попытались «увернуться» от решения щекотливого вопроса, но с разной долей успеха. Перовский просто переправил Орлову генерал-губернаторский отзыв и «записку по означенному предмету». Вынести решение в пользу Бригена означало для министра открыто вступить за бывшего сочлена по тайному обществу, решить же дело в пользу Горчакова — снова уронить себя в общественном мнении. Орлов же, получив отношение Горчакова 10 февраля и промедлив три дня, отписал в ответ: «...по моему мнению, противозаконные и неуместные действия Бригена ни в коем случае не должны быть терпимы, и потому, находя справедливым и необходимым, чтобы Ваше Сиятельство постановили об нем решение по Высочайше предоставленной Вам власти, а меня только удостоили бы уведомлением о Вашем насчет Бригена решении...»²⁸

Однако 30 апреля Горчаков посетовал Орлову, что не смеет выселить Бригена из Кургана, так как ссыльный определен туда монаршей властью. Смирившись с необходимостью завершить дело, Орлов письменно обратился к императору по поводу высылки декабриста. Будучи 1 июня в Петергофе, Николай I собственноручно начертал карандашом на рапорте: «Да».²⁹ На исходе того же месяца, 30 июня, губернатор Энгельке писал туринскому городничему Александру Даниловичу Водяникову, что «Его Сиятельство назначил г. Бригена заседателем в Туринский Окружной суд на место заседателя Петухова, который переведен к такой же должности в Курган», и велел

по прибытии декабриста «учредить над ним полицейский надзор».³⁰ Бриген оставался в Кургане до середины июля. «Наставление командированному для препровождения до города Туринска из государственных преступников коллежского регистратора Александра фон дер Бригена казаку татарского Конного казачьего полка Рабину Алинбаеву» было датировано только 14 июля.³¹ В Туринск мятежный заседатель прибыл 20 июля.

Минуло еще полгода, и 2 декабря 1850 г. ссыльный декабрист М. А. Фонвизин делился с Бригеном новостями: «Из Петербурга пишут, что в Западной Сибири предназначено сделать ревизию по всем частям управления. Сперва для этого назначался, по слухам, сенатор Жемчужников, теперь же уведомляют, что ревизором будет сенатор Корниолин-Пинский. Верного об этом, однако, ничего нет. Но нет сомнения, что Горчаков здесь не останется. Он, как слышно, в необыкновенном раздражении и пишет самые желчные бумаги».³² В итоге 25 января 1851 г. к ревизии приступил генерал-адъютант Николай Николаевич Анненков (кузен декабриста И. А. Анненкова). Но любопытно, что первым вероятным кандидатом в письме был назван Михаил Николаевич Жемчужников, женатый на родной сестре министра внутренних дел Ольге Перовской. В 1842 г. он же должен был ревизовать Восточную Сибирь, но заболел, вследствие чего ревизию возглавил граф Иван Николаевич Толстой (близкий друг декабриста С. П. Трубецкого).³³ Та ревизия завершилась заменой на генерал-губернаторском посту бывшего жандармского генерала В. Я. Руперта ставленником Перовского генералом Н. Н. Муравьевым (будущим графом Амурским).³⁴ С Горчаковым обошлись мягче: буквально накануне ревизии, 29 декабря 1850 г., появился монарший указ об увольнении князя со службы «по расстроенному здоровью». В результате ревизии по предложению генерал-адъютанта Анненкова в марте 1852 г. лишился должности губернатор

³⁰ ГАСО. Ф. 701. Оп. 1. Д. 323. Л. 116–116об.

³¹ Там же. Л. 119–121.

³² Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Иркутск, 1979. Т. 1. С. 337.

³³ См.: Андреева Т. В., Ильин П. В. Письма С. П. Трубецкого И. Н. Толстому // Трубецкой С. П. Записки. Письма И. Н. Толстому 1818–1823 гг. СПб., 2011. С. 173.

³⁴ См.: Матханова Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков. Новосибирск, 1998. С. 86–91.

²⁷ ГАРФ. Ф. 109. 1 экз. 1826. Д. 61. Л. 173–174об.

²⁸ Там же. Л. 175–175об.

²⁹ Там же. Л. 193, 199–200об.

Энгельке.³⁵ Во второй половине того же года Перовский оставил пост министра внутренних дел ради более спокойной должности министра уделов.

19 октября 1851 г. Бриген писал Марии Турманской из Туринска: «Известное тебе владское дело кончено в Сенате. Указа об этом я до сих пор не читал... а знаю только, что Сенат согласился со мною, его (Павла Власова — *В. Ш.*) оправдал и велел выпустить из острога, в который кн[язь] Г[орчаков] его противозаконно посадил. Следовательно, сделалось по моему, да иначе и быть не могло».³⁶ И далее выражал надежду на перевод в Оренбургскую губернию, где в том же году генерал-губернатором стал его прежний «товарищ по службе и большой приятель» Василий Алексеевич Перовский — брат министра внутренних дел Л. А. Перовского и еще один бывший член Союза благоденствия. Надежде этой не суждено было сбыться, но это уже иной сюжет. Оправданный Бриген в 1855 г. был возвращен в Курган, и не коллежским регистратором, а на два чина выше — коллежским секретарем. На рапорт нового генерал-губернатора Западной Сибири генерала от инфантерии Г. Х. Гасфорда о переводе Бригена обратно в Курган граф Орлов нехотя наложил резолюцию: «Можно, но если опять будет дерзок, то, не спрашивая, снова перевести из Кургана».³⁷

До амнистии декабристов оставалось около полутора лет.

Подведем итоги. В требовании А. Ф. Бригеном справедливого разбирательства дела об убийстве крестьянина угадываются параллели со стратегическими установками Союза благоденствия «споспешествовать правительству» в благих начинаниях. Союз предписывал искоренять «злоупотребления, в гражданскую службу вкравшиеся», и обращать «общее мнение против чиновников, кои, нарушив священные обязанности... теснят и разоряют тех, которых долг повелевает им хранить и покоить».³⁸ Установки эти действовали в декабристской среде и после роспуска Союза благоденствия, о чем можно судить, в частности, по переходу на судебские должности членов Северного общества И. И. Пущина и

С. Н. Кашкина. Поступок Пущина был расчитан на большой общественный резонанс: барон М. А. Корф писал, что его лицейский однокашник пошел служить «в губернские места... с намерением возвыситься и облагородить этот род службы, которому в то время не посвящал себя почти никто из порядочных людей».³⁹ Ссылному Бригену служба была необходима, чтобы «хоть как-то улучшить свое материальное положение», однако и в стесненных обстоятельствах он не был готов изменить чувству справедливости и сложившимся представлениям о чести.

Модель поведения декабриста на судебской должности подтверждалась и «Воспоминанием о Рылееве», написанным Н. А. Бестужевым не позднее 1832 г., а потому, вероятно, известным Бригену. В сочинении, которое справедливее было бы назвать не «воспоминанием», а «житием», ориентирами для заседателя Петербургской палаты уголовного суда К. Ф. Рылеева названы «сострадание к человечеству, нелицеприятие, пылкая справедливость, неутомимое защищение истины». «Вечным памятником истины» назвал Бестужев защиту интересов крестьян графа А. К. Разумовского, когда «император, вельможи, власти, судьи, угождающие силе, — все было против, один Рылеев за взял сторону угнетенных».⁴⁰ В 1822 г. еще не состоявший в тайном обществе Рылеев за недостатком доказательств отказался «приступить к обвинению кого-либо из подсудимых» крестьян.⁴¹ Так же поступил и Бриген в 1849 г. в отношении крестьянина Павла Власова.

Важно отметить, что в противостоянии Бриген — Горчаков у последнего не было абсолютной поддержки со стороны лиц, облеченных государственной властью. Иначе было бы сложно объяснить, как вообще ссылный декабрист дождался сенатского решения в свою пользу. Никогда более в российской истории репрессированные оппозиционеры и представители политической элиты не были столь тесно связаны сословными, родственными и приятельскими отношениями, совместной учебной и службой, участием в боевых походах, а нередко и бывшим членством в тайных обществах. К этому нужно добавить межведомственную конкуренцию и иные факторы,

³⁵ См.: Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. Тюмень, 2000. С. 276, 277.

³⁶ Бриген А. Ф. Указ. соч. С. 300, 301.

³⁷ Цит. по: Тальская О. С. Указ. соч. С. 248.

³⁸ Законоположение Союза Благоденствия // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1. С. 241, 242, 272.

³⁹ Корф М. А. Записки. М., 2003. С. 659.

⁴⁰ Бестужев Н. А. Воспоминание о Рылееве // Воспоминания Бестужевых. СПб., 2005. С. 13, 14.

⁴¹ О'Мара П. К. Ф. Рылеев: Политическая биография поэта-декабриста. М., 1989. С. 78, 79.

влиывшие на отношения между сановниками. Таким образом, помощь государственному преступнику со стороны высокопоставленного лица не обязательно имела политический подтекст, а если имела, то выявить его непросто. Безусловно, князь Горчаков в гонениях на

Бригена опирался на III отделение, на жандармское ведомство. «Либералист» Лев Перовский в этих гонениях участия не принял, но осталось под вопросом, оказал ли он действительную помощь бывшему товарищу по Союзу благоденствия.

Vladimir A. Shkerin

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: shkerin_uit@mail.ru

VILLAGE DETECTIVE STORY WITH A DECEMBRIST

A trivial court examination of a village murder triggered a chain of events involving the first persons of the Russian state: the Governor-General of Western Siberia, the Chief of Gendarmes, the Internal Affairs Minister, and, finally, the Emperor himself. The associated judge in charge of the case A. F. Brigen was himself exiled to Siberia as a political exile and thus refused to convict the accused on the grounds of lack of evidence. In this way he drew attention to the main defect of the existing jurisprudence which was dependent on the will of authorities and, as a rule, simply approved the accusations provided by the police. The confrontation between Brigen and the top level administration of Western Siberia and the Gendarmes Department which lasted over two years ended with the victory of an intractable associate judge. The author offered a hypothesis explaining how this victory could be achieved and who could have helped Brigen in his fight.

Key words: *the Decembrists, political exile, the judicial system, Western Siberia, General Government, the Ministry of Internal Affairs, III Department, A. F. Brigham, P. D. Gorchakov, A. F. Orlov, L. A. Perovsky*

REFERENCES

- Andreeva T. V., Ilin P. V. *Zapiski. Pisma I. N. Tolstomu 1818–1823 gg.* [Note. Letters I. N. Tolstoy 1818–1823]. St. Petersburg: Liki Rossii Publ., 2011, pp. 167–182. (in Russ.).
- Benckendorff A. H. *Dekabristy v vospominaniyakh sovremennikov* [Decembrists in the memoirs of contemporaries]. Moscow: MGU Publ., 1988, pp. 181–187. (in Russ.).
- Bestuzhev N. A. *Vospominaniya Bestuzhevykh* [Memories Bestuzhevykh]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2005, pp. 224–289. (in Russ.).
- Brigen A. F. *Pisma. Istoricheskie sochineniya* [Letters. Historical works]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1986, 576 p. (in Russ.).
- Engelson V. *Stati, proklamatsii, pisma* [Articles, leaflets, letters]. Moscow: Izdatelstvo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssylno-poselentsev Publ., 1934, 196 p. (in Russ.).
- Fonvizin M. A. *Sochineniya i pisma* [Works and letters]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1979, Vol. I, 480 p. (in Russ.).
- Korf M. A. *Zapiski* [Note]. Moscow: Zakharov Publ., 2003, 720 p. (in Russ.).
- Lapin N. A. *Ekonomika, upravlenie i kultura Sibiri XVI–XIX vv.* [Economics, management and culture of Siberia XVI–XIX centuries]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1969, pp. 260–277. (in Russ.).
- Lure F. M. *Politicheskii sysk v Rossii: 1649–1917* [Political spying in Russia: 1649–1917]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2006, 399 p. (in Russ.).
- Mamsik T. S. *Krestyanskoe dvizhenie v Sibiri. Vtoraya chetvert XIX v.* [The peasant movement in Siberia. The second quarter of the XIX century]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1987, 270 p. (in Russ.).
- Matkhanova N. P. *General-gubernatory Vostochnoy Sibiri serediny XIX veka: V. Ya. Rupert, N. N. Muravev-Amurskiy, M. S. Korsakov* [Governors-general of Eastern Siberia middle of the XIX century: V. Y. Rupert, N. N. Ants-Amur, M. S. Korsakov]. Novosibirsk: SO RAN Publ., 1998, 428 p. (in Russ.).
- O'Mara P. K. *F. Ryleev: Politicheskaya biografiya poeta-dekabrista* [K. F. Ryleev: A political biography Decembrist poet]. Moscow: Progress Publ., 1989, 336 p. (in Russ.).

Pundani V. V. *Obshchestvenno-politicheskaya mysl dorevolyutsionnogo Urala* [Political thought prerevolutionary Urals]. Sverdlovsk, 1983, pp. 94–103. (in Russ.).

Pushchin I. I. *Zapiski o Pushkine. Pisma* [Notes on Pushkin. Letters]. Moscow: Pravda Publ., 1989, 576 p. (in Russ.).

Roshchevskiy P. I. *Dekabristy v Tobolskom izgnanii* [Decembrists in Tobolsk exile]. Sverdlovsk: Sredne-Uralskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1975, 168 p. (in Russ.).

Rozen A. E. *Zapiski dekabrysta* [Notes of the Decembrist]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2007, 662 p. (in Russ.).

Shkerin V. A. *Rodina* (Motherland), 2013, № 3, pp. 53–57. (in Russ.).

Sibirskie i tobolskie gubernatory: istoricheskie portrety, dokumenty [Siberia and Tobolsk governor: historical portraits, documents]. Tyumen: Tyumenskiy izdatelskiy dom Publ., 2000, 577 p. (in Russ.).

Talskaya O. S. *Ssylka i obshchestvenno-politicheskaya zhizn v Sibiri (XVIII — nachalo XX v.)* [Link and political life in Siberia (XVIII — beginning of XX century)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1978, pp. 231–251. (in Russ.).

Trubetskoy S. P. *Materialy o zhizni i revolyutsionnoy deyatelnosti* [Materials about the life and revolutionary activities]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1983, Vol. I, 416 p. (in Russ.).